

НАПОЛЕОНОВСКИЕ ВОЙНЫ: К 250-ЛЕТИЮ НАПОЛЕОНА

DOI 10.15826/izv2.2019.21.2.022
УДК 929(44)“17” + 94(44) + 94(620) +
+ 355(44)“1799/1815”

А. В. Чудинов

- 1) *Государственный академический университет гуманитарных наук*
- 2) *Институт всеобщей истории РАН*
Москва, Россия

СМЕРТЬ КЛЕБЕРА: *QUI PRODEST?**

Исследование посвящено истории убийства 14 июня 1800 г. в Каире видного французского военачальника периода революционных войн, командующего Восточной армией в Египте Жан-Батиста Клебера сирийцем Сулейманом ал-Халеби. Проведенное оккупационными властями следствие заключило, что заказчиком преступления был великий визирь Османской империи Юсуф-паша, стремившийся якобы отомстить Клеберу за недавний разгром тем турецких войск в сражении при Гелиополисе. В дальнейшем эта версия некритически воспроизводилась и многочисленными историками, так или иначе затрагивавшими данный сюжет. Впервые введя в научный оборот чрезвычайно информативный архивный источник — донесения российского дипломата Э. Франкини из турецкой ставки, автор статьи показывает, что для Юсуф-паши убийство Клебера не только стало абсолютной неожиданностью, но и полностью нарушило стратегические планы великого визиря по освобождению Египта от французской оккупации. Констатация этого факта начисто опровергает устоявшееся мнение о причастности Юсуф-паши к смерти французского военачальника. Главными же бенефициарами преступления стали Первый консул Франции Наполеон Бонапарт и преемник Клебера на посту главнокомандующего Восточной армией генерал Абдулла-Жак Мену. Это событие избавило Бонапарта от перспективы скорого возвращения во Францию брошенной им в Египте, а потому раздраженной против него армии с враждебно настроенным по отношению к нему генералом во главе. Мену же

* Исследование осуществлено по гранту Правительства Российской Федерации в рамках подпрограммы «Институциональное развитие научно-исследовательского сектора» государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 гг. Договор № 14.Z50.31.0045.

получил возможность предпринять опыт по колонизации Египта, горячим сторонником которой он был. Хотя 219 лет спустя после совершения преступления достоверно установить его организаторов не представляется возможным, применение принципа *qui prodest?* позволяет снять подобное обвинение с великого визирия и, напротив, оставляет под подозрением Бонапарта и Мену.

Ключевые слова: Египетский поход 1798–1801 гг.; французская оккупация; Наполеон Бонапарт; Ж.-Б. Клебер; А.-Ж. Мену; Сулейман ал-Халеби.

Цитирование: Чудинов А. В. Смерть Клебера: *qui prodest?* // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2019. Т. 21. № 2 (187). С. 11–25.

Поступила в редакцию 25.01.2019

Принята к печати 18.04.2019

Alexander V. Tchoudinov

1) *State Academic University for the Humanities*

2) *Institute of World History,*

Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

ASSASSINATION OF KLÉBER: QUI PRODEST?

This study examines the assassination of Jean-Baptiste Kléber, a prominent French General of the Revolutionary Wars period, commander-in-chief of the Oriental Army in Egypt by Suleiman al-Khalebi, a Syrian, on June 14, 1800 in Cairo. The investigation carried out by the occupation authorities concluded that Yusuf Pasha, the Grand vizier of the Ottoman Empire, was the one who put out the crime, as he supposedly sought revenge on Kléber for the recent defeat of the Turkish forces in the battle of Heliopolis. Later, this version was also uncritically reproduced by numerous historians who in one way or another narrated this story. Exploring for the first time such a highly informative archive source as reports of Russian diplomat Frankini from the Turkish headquarters, the author of the article shows that for Yusuf Pasha, the assassination of Kléber was not only an absolute surprise, but also completely violated his strategic plan to liberate Egypt from the French occupation peacefully. The statement of this fact completely refutes the established opinion on the involvement of Yusuf Pasha in the assassination of the French commander. The main beneficiaries of the crime were the First Consul of France Napoleon Bonaparte and General Abdullah-Jacques Menou, Kléber's successor as commander-in-chief of the Oriental Army. This event saved Bonaparte from the prospect of a prompt return to France of the army abandoned by him in Egypt and therefore irritated against him, which was led by a general utterly hostile towards him. Menou got an opportunity to colonise Egypt, which he ardently supported. Though 219 years after the crime it is impossible to reliably establish its organisers, the application of the *qui prodest?* principle allows us to exonerate the Grand vizier from blame and, on the contrary, leaves Bonaparte and Menou under suspicion.

Keywords: Egyptian campaign of 1798–1801; French occupation; Napoleon Bonaparte; J.-B. Kléber; A.-J. Menou; Suleiman al-Khalebi.

Acknowledgements

The study was sponsored by a grant of the Government of the Russian Federation, subprogramme “Institutional Development of the Research Sector” of the Russian Federation state programme “Development of Science and Technology” for 2013–2020. Contract No. Z50.31.0045.

Citation: Tchoudinov, A. V. (2019). Smert' Klebera: *qui prodest?* [Assassination of Kléber: *qui prodest?*]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 21, 2 (187), 11–25.

Submitted on 25 January, 2019

Accepted on 18 April, 2019

У профессиональных шахматистов существует поговорка «везет как первому призеру». Наполеону Бонапарту, выходявшему на протяжении двух десятков лет победителем из подавляющего большинства сражений, в которых он участвовал, и являвшегося, бесспорно, «первым призером» своего времени, действительно, не раз везло и везло по-крупному. Однако мало что может сравниться с той улыбкой фортуны, что просияла для него 14 июня 1800 г. В тот день ему буквально в последний момент удалось выиграть, казалось бы, уже начисто проигранное австрийцам сражение при Маренго, благодаря тому, что генерал Дезе вовремя подоспел на поле боя со своей дивизией. Более того, в самом начале решающей атаки Дезе пал смертью храбрых, и Бонапарту не пришлось ни с кем делить лавры победителя. Но это было далеко не всё. Два месяца спустя Бонапарт узнал, что 14 июня ему не просто повезло, а он выиграл настоящий джек-пот. В Париж пришло известие, что почти в то же самое мгновение, когда австрийская пуля сразила Дезе при Маренго, в далеком Каире кинжал религиозного фанатика-мусульманина оборвал жизнь командующего Восточной армией генерала Жан-Батиста Клебера.

Почему же смерть знаменитого французского военачальника обернулась для Бонапарта настоящим подарком судьбы? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо обратиться к истории взаимоотношений двух генералов. Сделаю здесь это по необходимости коротко, ибо ранее данный сюжет в исторической литературе уже затрагивался [Laurens, 2004]. Более же подробно он будет освещен в моей монографии, скоро выходящей из печати [Чудинов, 2019].

Знакомство двух будущих антагонистов состоялось в декабре 1797 – январе 1798 гг. Бонапарт, купавшийся в лучах славы после успешного заключения мира с австрийцами в Кампо-Формио, прибыл в Париж, где ему предстояло заняться формированием армии, предназначенной для высадки на Британские острова. Стремясь собрать под свои знамена весь цвет французского революционного генералитета, он обратился к Клеберу, уже год как находившемуся в отставке. В тот момент ни один генерал французской армии не мог по своим заслугам и известности сравниться с Клебером. Более того, по своему боевому опыту и количеству одержанных побед тот превосходил даже Бонапарта, имея в своем активе пять полноценных военных кампаний и каких! Прославившись

в ходе знаменитой обороны Майнца в 1792–1793 гг., в дальнейшем Клебер стал победителем вандейских повстанцев в 1793 г., одним из главных авторов победы при Флёрюсе в 1794 г., героем кампаний 1795–1796 гг. в Германии. У Бонапарта же в тот момент, если не считать мимолетного тулонского эпизода 1793 г. и подавления вандемьерского восстания 1795 г., за плечами было только две кампании — в Италии 1796–1797 гг. Правда, Клебер, в отличие от корсиканца, никогда не занимал постоянно должности главнокомандующего, всякий раз отказываясь от подобных предложений, однако на временной основе ему доводилось командовать и гораздо большими силами, чем те, что в 1796–1797 гг. составляли Итальянскую армию, и чем те, что предназначались для высадки в Англии. Иными словами, Бонапарт в известном смысле рисковал, приглашая к себе в подчиненные военачальника, превосходившего его по возрасту, времени производства в чин и боевому опыту и, как минимум, не уступавшего ему по авторитету в армии.

Риск этот не оправдал себя: в Египте, куда вместо Британии была направлена армия Бонапарта, получившая название «Восточной», между двумя генералами очень быстро начались трения, переросшие, в конце концов, в слабо прикрытый конфликт. Склонность Бонапарта к импровизации с известной долей авантюризма, позднее нашедшая выражение в известном афоризме «Сперва вязаться в бой, а там посмотрим...», крайне раздражала Клебера. Свое мнение о главнокомандующем он поверял записной книжке:

Он не умеет ни организовывать, ни администрировать и, тем не менее, хочет заниматься всем. Он организует и администрирует, а отсюда беспорядок, всевозможное разбазаривание ресурсов, абсолютная бедность, вся эта нищета даже посреди изобилия. Никогда нет твердого плана, всё делается рывками и скачками, всё лишь на один день. <...> В чем состоит его главное качество, ведь, в конце концов, он человек необычный? В том, чтобы дерзать снова и снова, и в этом искусстве он уходит за пределы разумного [Kléber, p. 7–8].

Впрочем, недовольство действиями Бонапарта Клебер высказывал также и вслух. Хотя делал он это исключительно в узком кругу друзей, о его критическом отношении к главнокомандующему знала вся армия. Прекрасно понимая аномальность подобной ситуации, Клебер подал в отставку. В разговоре со своим другом, главным врачом армии Н. Д. Деженнетом, он признавал:

В Египте я иду не в ногу. Я не умею ходить так, как это понравилось бы главнокомандующему, а его рука недостаточно сильна, чтобы заставить меня идти иначе. Когда два таких человека, как он и я, не могут найти между собой общего языка, им лучше мирно расстаться [Souvenirs..., p. 30].

Расстаться им действительно пришлось, но не так, как предполагал Клебер. Отставки он так и не получил. Во Францию уехал не он, а сам Бонапарт. Более того, тайком покидая Египет, главнокомандующий оставил Клебера своим преемником. Разумеется, для корсиканца и вопроса не стояло о том, чтобы взять Клебера с собой во Францию. И дело тут не только в личной антипатии,

но и в том, что республиканские убеждения этого генерала плохо сочетались с намерением Бонапарта вступить в борьбу за единоличную власть. Напротив, столь влиятельного и популярного военачальника, как Клебер, который в силу личных и политических противоречий с Бонапартом мог помешать тому в реализации его цезаристских амбиций, следовало держать подальше от Франции. Позднее, уже на острове Св. Елены, в разговоре с генералом Бертраном 31 августа 1816 г. Наполеон обронит:

Если бы Клебер вернулся во Францию, он мог бы мне создать затруднения; но не после Амьенского мира — тогда я уже стал слишком велик, и мне было бы всё равно [Bertrand, p. 115].

Но почему Бонапарт оставил своим преемником именно Клебера, а не более близкого себе Дезе или Мену, которые к тому же по старшинству производства в чин имели перед Клебером преимущество? Во-первых, для того чтобы удержать Клебера подальше от Франции, где он со своим огромным авторитетом в войсках представлял бы угрозу для честолюбивых замыслов Бонапарта, его следовало покрепче привязать к Восточной армии. Возложив же на него ответственность за ее судьбу, можно было быть уверенным, что теперь он вернется во Францию только вместе с нею, а это, согласно оставленным Бонапартом инструкциям, предполагалось не раньше мая 1800 г. Клебер, таким образом, задерживался в Египте на долгий срок. Во-вторых, если бы Бонапарт оставил командование Восточной армией кому-то из близких себе людей, то в случае неудачи преемника тень поражения пала бы и на самого Бонапарта. А положение дел в армии и в управлении Египтом, как он прекрасно понимал, было по-настоящему катастрофическим. Шансов на то, что новому главнокомандующему удастся выкрутиться, практически не оставалось, поэтому назначить своего соперника на пост капитана тонущего корабля представлялось чрезвычайно выгодным: именно на него тем самым возлагалась ответственность за будущую неудачу экспедиции.

Однако Клебер не стал играть по правилам, предписанным ему его оппонентом. Чуть менее месяца хватило ему, чтобы оценить критическую ситуацию, в которой находилась армия, и 26 сентября он подготовил послание правившей во Франции Директории, где детально описал оставленное ему Бонапартом «наследство». Констатировав, что дальнейшее пребывание в Египте чревато гибелью Восточной армии без какой-либо пользы для Французской республики, новый главнокомандующий объявил, что предпримет попытку вступить с турками в мирные переговоры [см.: Kléber en Égypte, 1988, p. 515–532].

Такие переговоры действительно начались, и уже в ходе них выяснилось, что положение французской армии даже хуже, чем предполагал Клебер. Солдаты больше не хотели воевать: в ноябре 1799 г. они восстали в Дамьетте, в декабре гарнизон форта Эль-Ариш взбунтовался против офицеров и сдал форт неприятелю, в январе 1800 г. солдатский бунт произошел в Александрии [подробнее см.: Чудинов, 2017, с. 65–66, 86–91; Laurens, 1997, p. 332, 342–344].

В подобной ситуации французский главнокомандующий вынужден был отказаться от предъявленных им изначально туркам завышенных требований и заключить 23 января 1800 г. с великим визирем Османской империи Юсуф-пашой Эль-Аришское соглашение о безоговорочной эвакуации французской армии из Египта на родину. По этому договору французская армия должна была через три месяца покинуть Египет на турецких судах, которым предстояло доставить ее со всем вооружением во Францию. На время подготовки французов к эвакуации объявлялось перемирие. Документ предусматривал четкий график передачи турецкой стороне населенных пунктов по всему пути следования армии великого визиря от сирийской границы до Каира [Kléber en Égypte, 1995, p. 541–547].

10 марта, когда армия Юсуф-паши стояла уже на подступах к Каиру, ожидая передачи ей города французами, Клебер получил тревожное письмо от английского представителя в Восточном Средиземноморье командора Сиднея Смита. Тот ранее был посредником на франко-турецких переговорах в Эль-Арише, а потому считал для себя скрупулезное соблюдение договора делом чести. В письме Смит сообщил, что командующий английским флотом в Средиземноморье адмирал Кейт готов, пока не получены соответствующие инструкции из Лондона, выпустить французов из Египта только в качестве пленных. Клебер предложил великому визирю отвести турецкую армию от Каира до урегулирования вопроса. Однако Юсуф-паша отказался, настаивая на точном выполнении французами графика реализации Эль-Аришского соглашения [Ibid., p. 621–622, 636–638].

19 марта Клебер известил великого визиря о разрыве перемирия. 20 марта французская армия атаковала турецкую, разгромила ее в сражении при Гелиополисе и после трех дней преследования загнала в пустыню, где голод, жажда и бедуины окончательно ее уничтожили [Чудинов, 2014]. После столь убедительной победы французам пришлось еще месяц вести кровопролитную осаду восставшего против них Каира, который, в конце концов, Клебер сумел покорить, искусно сочетая военные методы с дипломатическими [Чудинов, 2015, с. 280–342].

Впрочем, несмотря на победное завершение весенней кампании и на пришедшие из Франции сведения о захвате его оппонентом — Наполеоном Бонапартом — власти в Республике, Клебер отнюдь не изменил своего намерения как можно быстрее эвакуировать Восточную армию из Египта. Еще не завершилась осада Каира, как он вступил в переписку с турецкими властями, сообщив, что готов вернуться к реализации Эль-Аришского соглашения [Kléber en Égypte, 1995, p. 812–813]. Возобновил он корреспонденцию и с командором Смитом [Ibid., p. 877]. Однако на этот раз, в отличие от осени, Клебер предпочитал вести переговоры лично, не ставя подчиненных в известность, чтобы, пока нет официального согласия неприятеля на эвакуацию, не ослаблять их боевой дух преждевременными надеждами на скорое возвращение домой. Многие даже подумали, что главнокомандующий отказался от идеи эвакуации и взял курс

на колонизацию. Но когда генерал Мену, выполнявший в Египте роль «ока Бонапарта» и активно строчивший Первому консулу доносы на «неправильную» политику его преемника в Восточной армии, попытался в письме к Клеберу от 23 мая похвалить его за «отказ» от Эль-Аришского соглашения, то получил в ответ резкую отповедь:

Я получил ваше письмо, гражданин генерал. Моя косность такова, что и сегодня я не считаю Эль-Аришское соглашение политической ошибкой; что не вижу в победе, одержанной армией, повода для упоения; что и сегодня глубоко убежден: этим договором я смог обеспечить разумный выход из самого сумасбродного предприятия на свете; что и сегодня я полагаю: мы не дождемся никакой помощи из Франции и никогда, или по крайней мере в эту войну, не создадим никаких колоний в Египте, поскольку хлопковые фабрики и пальмы не обеспечат нас в ближайшем будущем солдатами и железом. Вы видите, гражданин генерал, насколько я в силу своего крайнего безрассудства должен из любви к вашей родине настаивать на том предложении, которое сделал вам сегодня утром. В любом случае, на этом мы закончим наши политические дебаты. Вы, генерал, смотрите на Восток, я — на Запад, и мы никогда не услышим друг друга [Ibid., p. 920].

Между тем, английское правительство разрешило адмиралу Кейту выпустить французов из Египта, и 26 мая в ставку великого визиря в Яффе доставили 72 паспорта для беспрепятственного прохода кораблей с французскими войсками по Средиземному морю [АВПРИ, ф. 89, оп. 8, д. 916, л. 26]. Однако командор Смит, отвечавший за переговоры с французами, в это время находился на Родосе, где его корабль пополнял запасы провианта и воды, а потому Клеберу о доставке паспортов сразу не сообщили. Только 2 июня английский дипломат Джеймс Филипп Морье написал об этом Клеберу. Путь от Яффы до Каира занимал в то время примерно 5–6 дней, т. е. письмо Морье должно было прибыть в столицу Египта где-то 8–9 июня. Однако Клебер в это время инспектировал войска в Рахмании, оставив «на хозяйстве» в Каире генерала Мену с правом вскрывать всю приходящую корреспонденцию [Kléber en Égypte, 1995, p. 948]. Очевидно, в руки Мену и должно было попасть послание Морье.

Клебер вернулся в Каир вечером 10 июня. В его корреспонденции за последние четыре дня ни словом не упоминается о получении письма Морье, полностью менявшего ситуацию Восточной армии: отныне она могла беспрепятственно вернуться на родину. Столь странное молчание дает все основания считать, что в эти дни послание Морье к Клеберу так и не попало. Не попало оно к нему и позднее, ибо уже 14 июня французского главнокомандующего заколол кинжалом молодой писец Сулейман ал-Халеби, прибывший в Каир из Алеппо для ведения «священной войны» против неверных.

Убийцу час спустя арестовали, в течение двух дней под руководством генерала Мену провели следствие и осудили на смерть. 17 июня Сулейману публично сожгли правую руку, затем посадили его на кол. Трех его землякам, шейхам мечети аль-Азхар, предоставившим ему кров в течение месяца и знавшим о его замысле, отрубили головы. Мотивы преступления объяснял приговор,

опубликованный на французском и арабском языках. Он гласил, что Сулейман действовал по наущению великого визиря Османской империи, желавшего отомстить Клеберу за разгром турецкой армии при Гелиополисе [Recueil...]. Предположение о том, что глубинной причиной покушения была злая воля правителей Османской империи, выглядит настолько логичным, что историки, как правило, его под сомнение не ставят, а просто воспроизводят из работы в работу. Последний тому пример — новейшая монография Ж. О. Будона, директора Института Наполеона в Сорбонне [Boudon, p. 217].

Однако при внимательном ознакомлении с материалами следствия вина великого визиря отнюдь не выглядит доказанной. Сулейман, которому грек Бартеlemi, начальник полиции и палач оккупационной администрации, обещал жизнь за честные показания, рассказал, что совершить убийство его надумили два офицера янычаров из Алеппо. На вопрос же о своей связи с Юсуф-пашой он удивленно заметил, что простой араб, как он, не может быть знаком с великим визирем [Recueil..., p. 6]. В дальнейшем Сулейман подробно рассказывал о своих встречах по пути в Каир и в самом Каире, о своих беседах с шейхами мечети Аль-Азхар, обо всех своих действиях накануне убийства, но следствию, несмотря на упорные попытки найти хоть какую-то зацепку, доказывающую причастность Юсуф-паши к происшедшему, так и не удалось это сделать.

У нас нет сколько-нибудь веских оснований ставить под сомнение показания самого Сулеймана. Если он столь подробно изложил хронику своих взаимоотношений с командирами янычаров, то что помешало бы ему сделать и признание в отношении великого визиря, какими бы мотивами при даче этих показаний подследственный ни руководствовался? Если он решил рассказать правду, поверив обещанию Бартеlemi сохранить ему жизнь, то признание в связи с великим визирем, которого от него так настойчиво добивались, тем более должно было облегчить ему достижение этой цели. Если же он изначально считал себя обреченным, видя в убийстве Клебера акт своего самопожертвования (на эту мысль наводит отказ убийцы от попытки скрыться в течение целого часа после преступления), и заговорил на следствии лишь потому, что не хотел лгать перед смертью, то опять же какой смысл был ему выгораживать визиря? В конце концов, стремление Сулеймана говорить правду и только правду стоило жизни трем шейхам, его землякам, предоставившим ему кров в Каире. Именно его честные показания на очных ставках обрекли их на гибель. Иными словами, каких-либо мотивов скрывать вину великого визиря в происшедшем, если таковая была, у Сулеймана не просматривается.

Может быть, молодого человека использовали втемную, и великий визирь стоял за спинами завербовавших Сулеймана предводителей янычаров, о чем юноше просто не сообщили? К счастью, у нас есть возможность проверить эту версию по донесениям русского дипломата итальянского происхождения Энрике Франкини, представлявшего интересы России в ставке великого визиря. Он регулярно докладывал русскому послу в Константинополе В. С. Томаре обо всем, что происходило у Юсуф-паши.

20 июня в Яффе, как сообщал Франкини, еще не знали о смерти Клебера. Напротив, командование союзников активно готовилось договариваться с ним об эвакуации французской армии из Египта:

Поутру 9/20 числа прошлого месяца [июня] мы, наконец, увидели, что на нашем рейде бросили якоря г-н командор Сидней Смит, прибывший с Родоса, и капудан-паша, прибывший из Александрии. Их появление воодушевило армию, вселив надежду на скорое урегулирование. 25 июня состоялся совет у великого визиря. Присутствовали капудан-паша, кьяйя-бей, рейс-эфенди¹, командор Смит, г-н Морье и я. Заседание получилось долгим, много спорили, хотя всё на одну тему.

Командор после получения на Родосе писем великого визиря написал генералу Клеберу, сообщив ему о их содержании и о прибытии паспортов, и призвал к оговоренной эвакуации. Г-н Райт, повезший это письмо, по прибытии в Александрию вынужден был отдать конверт коменданту города для переправки в Каир, поскольку, согласно приказам главнокомандующего, никому из иностранцев не дозволено ехать с собой из этого порта в столицу под каким бы то ни было предлогом.

На этом совете в целом единодушно постановили дожидаться ответов и, если они будут в пользу эвакуации, согласиться с ними. Любые условия, не противоречащие согласованным между тремя союзными Дворами принципам, предпочтительнее военных действий, которые разорят Египет, повлекут за собой огромные расходы и отсрочат его возвращение к законному владельцу. Если же Клебер откажется от эвакуации, что весьма сомнительно, следует, не теряя времени, прибегнуть к оружию и определить средства закончить всё как можно быстрее [АВПРИ, ф. 89, оп. 8, д. 916, л. 69–69 об.].

Далее участники совета еще долго спорили по деталям будущего урегулирования. Отмечу главное: ни у кого из представителей союзного командования, включая великого визиря, не было и тени сомнений в том, что их главным контрагентом в осуществлении соглашения об эвакуации французской армии из Египта и впредь будет Клебер. Из этого же они исходили в программе своих дальнейших действий, решив дожидаться всем вместе ответа Клебера на письмо Смита, после чего командор и капудан-паша должны были отправиться 28 июня к Александрии для дальнейших переговоров в случае положительного ответа или для подготовки к новым военным действиям в случае отрицательного [Там же, л. 70–70 об.].

Однако уже следующий день, 26 июня, радикально изменил всю ситуацию: из Каира прибыло официальное известие о смерти Клебера. Может возникнуть вопрос, если путь от Яффы до Каира занимал 5–6 дней, почему эта новость пришла только на двенадцатый день? С одной стороны, Мену не имел какой бы то ни было необходимости спешить с извещением неприятеля о происшедшем. Только тогда, когда он счел нужным, он отправил курьера с сообщением о том, что сменил Клебера на посту главнокомандующего и что прежние договоренности об эвакуации Восточной армии из Египта больше не действуют. С другой — соответствующие слухи, как мы увидим из донесения Франкини, в османской

¹ Капудан-паша — командующий турецким флотом, кьяйя-бей — заместитель главнокомандующего, рейс-эфенди — министр иностранных дел Османской империи.

армии циркулировали еще до получения официальной вестии, видимо, просочившись из Каира с оказией. Нам же важно здесь отметить, что для визиря эта новость явно оказалась сюрпризом:

Дромадер, отправленный этой [османской] армией к генералу Клеберу, чтобы сообщить ему о получении г-ном Морье паспортов для транспортировки французской армии, вернулся 15/26 июня с письмом генерала Мену командору Смиту в ответ на послание того с Родоса генералу Клеберу.

После получения этого послания г-н командор и я пошли к в[еликому] визирю. Тот, узнав от нас его содержание, позвал нас с собой в шатер капудан-паши. Къйяя-бей и рейс-эфенди тоже туда пришли. Мне было поручено устно перевести его для всех собравшихся. Смерть Клебера, о которой уже несколько недель говорили в [турецкой] армии, была подтверждена этим письмом, где высказывалось также мнение об убийстве генерала.

В этом собрании опять повторили то, о чем говорилось на последнем совете. Приняли решение как можно скорее возобновить военные действия одновременно в нескольких пунктах. Подтвердили также отъезд капудан-паши в ранее намеченный день.

Тем не менее, Смиту поручили ответить на письмо генерала Мену, обещав ему свободный проход французской армии во Францию и предложив ему эвакуацию, как было намечено тремя днями ранее [АВПРИ, ф. 89, оп. 8, д. 916, л. 71].

Таким образом, поведение великого визиря в эти дни не дает никаких оснований считать его причастным к заговору по убийству Клебера. Странно было бы, отправив убийцу для покушения на жизнь французского главнокомандующего, строить затем далеко идущие планы на взаимодействие с последним по эвакуации его армии. Подобное поведение выглядело бы, по меньшей мере, не слишком адекватным.

Да и отвечая на ключевой вопрос любого расследования *qui prodest?* («кому выгодно?»), едва ли мы в связи со смертью Клебера укажем на великого визиря. Гибель этого генерала в один момент лишила Юсуф-пашу возможности мирным путем вернуть Египет под власть султана, что, казалось, было уже делом ближайшего будущего. Теперь же ему предстояла новая военная кампания со всеми ее материальными издержками и неопределенным исходом.

Спрашивается, разве Мену, возлагая вину за смерть своего предшественника на великого визиря, не понимал, что Юсуф-паша от этого события не только ничего не выиграл, но и проиграл? Я уверен, что он всё прекрасно понимал, поскольку был человеком совсем не глупым, однако его собственный интерес состоял в том, чтобы обвинить именно турецкого министра. Весть о мирных предложениях со стороны противника и его обещаниях беспрепятственно пропустить французов домой рано или поздно дошла бы до личного состава Восточной армии, а потому надо было настолько скомпрометировать источник этих предложений, чтобы французские солдаты им просто не поверили.

О том, что усилия по компрометации турецких и английских военачальников получили ожидаемый эффект, мы можем судить по фрагменту из письма А. Пейрюса, бывшего секретаря Клебера, своей матери, написанного 20 июня 1800 г.:

Когда англичане, опомнившись от своих прежних ошибок, вновь предложили нам вернуться во Францию, Смит не позволил нам получить эти письма. Г-н Морье, секретарь лорда Эдждина, посла в Константинополе, сделал нам это предложение напрямую, но события изменили наши представления и мы уже не хотим покидать Египет [Peurgusse, p. 107].

Как видим, к этому моменту Пейрюс уже знает о послании Морье, которое Клебер в последние дни своей жизни, похоже, так и не получил. Однако шесть дней спустя после трагической смерти Клебера письмо уже не производит на молодого человека такого впечатления, какое могло бы произвести до того: прошедшие события не позволяют ему впредь верить обещаниям англичан и турок.

Любопытно, что сам Юсуф-паша крайне болезненно воспринял звучащие с французской стороны обвинения в убийстве Клебера и в беседе с Франкини посетовал на нечестные способы борьбы, применяемые французами:

В этой уверенности его укрепило письмо генерала Мену, содержащее самую черную клевету. Оно убедило его в том, что французы стараются всеми силами создать для него любые возможные трудности: всё, что исходит от них и что их касается, можно с полным основанием рассматривать как интригу против него самого и против лиц, составляющих его правительство [АВПРИ, ф. 89, оп. 8, д. 916, л. 74].

Чтобы опровергнуть несправедливые обвинения, перечеркивавшие все его предшествующие усилия по обеспечению мирного ухода Восточной армии из Египта, великий визирь приказал распечатать на французском языке соответствующую прокламацию для распространения среди французских военнослужащих:

ПРОКЛАМАЦИЯ

великого визиря и генералиссимуса армии Б[листательной] П[орты]
к офицерам и солдатам Французской армии в Египте

Французы,

На вашего главнокомандующего совершено покушение, которое посредством самой отъявленной лжи осмеливаются вменять в вину османам под тем предлогом, что убийца, говорят, был мусульманином и янычаром. Но какая выгода нам от этого преступления? Какая польза нам от смерти Клебера? Его заменил другой такой же генерал, и он уже третий. Одним человеком больше, одним меньше — это не влияет на судьбу Египта.

Однако Клебер имел врагов и завистников, как во Франции, так и в Египте. Он высказывал собственное мнение о вторжении в эту Провинцию. Здравомыслящее большинство в его войсках это мнение одобряло. Поэтому кое-кому не нравилось видеть его во главе армии. Опасались его возвращения во Францию и тех докладов, которые он мог там представить. Поэтому сочли за благо его убрать и обвинить в этом Б[листательную] П[орту].

Французы, не позволяйте ввести себя в заблуждение клевете столь же наглой, сколь и абсурдной. Вам следует искать авторов убийства своего генерала исключительно среди ваших соотечественников, именно им следует отомстить за его смерть, если это утешит вашу скорбь [Там же, л. 63].

Характерно, что в ставке великого визиря, где, казалось бы, должны были знать об истинной подоплеке дела, если бы нити заговора об убийстве Клебера тянулись именно туда, на самом деле выдвигались совершенно иные гипотезы относительно происшедшего, причем, заметим, не для публичного оглашения, а, так сказать, «для внутреннего пользования». Сообщает Франкини:

Различные версии убийства Клебера сходятся лишь в том, что убийца по своему вероисповеданию был мусульманином. Этот человек, держа в руке бумагу, попросил пустить его к Клеберу, которому он, как объяснил, хотел вручить прошение. Его провели в сад к генералу, который там был один, он [убийца] приблизился к нему, подал бумагу и в тот момент, когда генерал протянул руку, чтобы ее взять, вонзил ему в грудь до половины лезвия кинжал, который прятал у себя на животе. Клебер сразу умер, а убийцу арестовали. Он рассказал, что на этот шаг его побудил Мухаммед-паша лестными обещаниями. Установив его вину, ему сожгли руку, а самого потом посадили на кол. Сейчас материалы процесса печатают. Лишили жизни также двух шейхов, коих осужденный выдал в качестве своих сообщников. Такова версия Мену.

Другая гласит, что убийца при осаде Каира и до того потерял отца, братьев и родных, печаль по которым толкнула его на крайний шаг [АВПРИ, ф. 89, оп. 8, д. 917, л. 28].

Прервем на миг Франкини, чтобы заметить: эта вторая версия о простом человеке из народа, отомстившем французам за страдания мусульман, была весьма популярна и среди «низов» Константинополя, о чем сообщал в сводке городских новостей за июль 1800 г. русский посол Томара:

8 [июля] <...> Известие о смерти Клебера рассказывается здесь с доказательствами большого удовольствия и вообще приписывают оную мщению янычара, потерявшего в Булаке от руки французов все свое семейство. Весьма опасаются, однако же, чтоб раздраженные до крайности сим обстоятельством французы не умертвили всех содержащихся у них пленных турок [Там же, л. 93 об.].

Впрочем, эта «народная» версия событий, очевидно, не заслуживала, по мнению Франкини, серьезного внимания, и, лишь бегло упомянув о ней, он перешел к рассмотрению третьей, на его взгляд более правдоподобной:

Еще одно предположение, отнюдь не фантастическое, состоит в том, что Бонапарт, опасаясь возвращения Клебера во Францию, особенно в нынешней ситуации, поручил Мену организовать его убийство. Известно о ненависти двух генералов друг к другу, а Мену не может снять с себя подобное подозрение или оправдаться, учитывая, с какой поспешностью он умертвил убийцу, чьи показания могли бы сделать более правдоподобным то, что он [Мену] собирается напечатать. Виновного в деле подобного рода надо беречь с особым вниманием, чтобы потом можно было его допросить в присутствии свидетелей, заслуживающих доверия [Там же, л. 28–28 об.].

Нельзя не признать, что с точки зрения логики подобная гипотеза не имела таких противоречий, как официально оглашенная французская версия. Действительно, если исходить из принципа *qui prodest?*, то не вызывает никаких сомнений, что главными бенефициарами гибели Клебера, независимо от реальной

подоплеку происшедшего, оказались Наполеон Бонапарт и Абдулла-Жак Мену. Буквально за считанные дни до того, как эвакуация Восточной армии из Египта стала делом окончательно решенным и необратимым, чего ни тот, ни другой категорически не желали, случилось то единственное, что смогло ее предотвратить.

Режим Консулата, установленный Бонапартом в результате военного переворота 18 брюмера, в тот момент еще находился в достаточно шатком состоянии. Помимо роялистов, традиционного противника всех революционных правительств во Франции последнего десятилетия XVIII в., новой власти приходилось также иметь дело с весьма активной республиканской оппозицией. Особую же опасность для власти Бонапарта, опиравшейся в первое время существования Консулата преимущественно на армию, представляло то, что именно в армии у республиканцев имелось достаточно много сторонников [см.: Гэно, с. 181–183]. А тут из Египта прибыл бы генерал, ничуть не уступавший тогдашнему Бонапарту по количеству и масштабу одержанных побед, который был достаточно враждебно настроен по отношению к своему предшественнику на посту главнокомандующего Восточной армии. Причем приехал бы он во Францию не один, а с той самой армией, которую Бонапарт сначала завез в Египет, а потом там бросил. В глазах солдат и офицеров этой армии ее первый главнокомандующий выглядел бы предателем, а второй — спасителем. Иначе говоря, в случае успешной эвакуации армии Клебера из Египта, Первый консул Бонапарт, чья власть над Францией еще в полной мере не утвердилась, рисковал получить могучего соперника, исход борьбы с которым был для него отнюдь не предопределен. Смерть Клебера избавила его от этой опасной перспективы. Генералу же Мену, помимо предоставления возможности выполнить волю патрона, велевшего удерживать Египет как минимум до заключения общего мира, гибель Клебера дала шанс приступить к осуществлению желанного проекта колонизации этой страны.

Гигантские политические выгоды, которые точным ударом кинжала Сулейман ал-Халеби принес Бонапарту и Мену, слишком бросались в глаза, чтобы мысль о возможной взаимосвязи одного с другим не пришла в голову современникам, причем не только в ставке великого визиря. Судя по всему, эта идея имела достаточно широкое хождение, поскольку и полтора десятка лет спустя, уже находясь на пути к острову Святой Елены, Наполеон в беседах со своим камергером и секретарем Лас Казом пытался отвести от себя это подозрение. В записанных Лас Казом разговорах от 26–30 сентября 1815 г. Наполеон дважды возвращался к теме смерти Клебера. Сначала он бегло заметил:

Клебер пал жертвой мусульманского фанатизма. Ничто, как бы то ни было, не дает оснований для абсурдной клеветы, которая пытается приписать эту катастрофу политике его предшественника или интригам его преемника [Las Cases, p. 139].

Некоторое время спустя, сообщает Лас Каз, Наполеон высказался на сей счет уже подробнее:

Гофмаршал² входил в число судей, вынесших приговор убийце [Сулейману ал-Халеби]. Однажды, когда он рассказал нам об этом за обедом, Император заметил: «Если бы о том узнали клеветники, утверждающие, что это я подстроил смерть Клебера, они бы тут же назвали вас убийцей или сообщником, заключив, что ваш титул гофмаршала и ваше пребывание на Святой Елене являются достойной наградой за это [Las Cases, p. 143].

Разумеется, сегодня, 219 лет спустя после убийства Клебера, установить подлинных организаторов преступления не представляется возможным. Однако, как видим, для части современников тех событий в силу принципа *qui prodest?* гораздо больше подозрений в данном отношении вызывали Бонапарт и Мену, а отнюдь не голословно обвиненный следствием великий визирь Юсуф-паша.

Источники

АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 916.

Bertrand H. G. Cahiers de Sainte-Hélène. Т. 1. Paris : Sulliver, 1951.

Kléber J. B. Carnet d'Égypte // Letat-major de Kléber en Égypte 1798–1800: d'après leurs carnets, journaux, rapports et notes / ed. établie par S. Le Couëdic. Paris : La Vuivre, 1997.

Kléber en Égypte 1798–1800 : Kléber et Bonaparte : 1798–1799 : correspondance et papiers personnels / étude historique, présentation et notes par H. Laurens. Paris : Impr. nationale, 1988. Т. 2.

Kléber en Égypte 1798–1800 : Kléber et Bonaparte : 1798–1799 : correspondance et papiers personnels / étude historique, présentation et notes par H. Laurens. Paris : Impr. nationale, 1995. Т. 4.

Las Cases E. de. Le Mémorial de Sainte-Hélène. Paris : Perrin, 2017.

Peyrusse A. Expédition de Malte, d'Égypte et de Syrie. Correspondance. Maurepas : La Vouivre, 2010.

Recueil des pieces relatives à la procédure et jugement de Soleyman El-Hhaleby, assassin du général en chef Kléber. Le Kaire : Impr. nationale, an VIII [1800].

Souvenirs d'un médecin de l'expédition d'Égypte. Paris : Calman Lévy, éd., 1893.

Исследования

Эно Б. К истории военной оппозиции бонапартистскому режиму // Французский ежегодник 2006 : Наполеон и его время. К 100-летию А. З. Манфреда (1906–1976). М. : КомКнига, 2006. С. 181–198.

Чудинов А. В. Сражение при Гелиополисе, или Забытая победа // Французский ежегодник 2014. Т. 2 : Франция и Восток. М. : ИВИ РАН, 2014. С. 122–165.

Чудинов А. В. Второе Каирское восстание: 20 марта – 21 апреля 1800 г. // Французский ежегодник 2015 : К 225-летию Французской революции. М. : ИВИ РАН, 2015. С. 262–342.

Чудинов А. В. Падение французского Эль-Ариша. Декабрь 1799 г. // Французский ежегодник 2017 : Франция и Средиземноморье в Новое и Новейшее время. М. : ИВИ РАН, 2017. С. 55–93.

Чудинов А. В. Забытая армия. Французы в Египте после Бонапарта. 1799–1800 гг. М. : Полит. энциклопедия, 2019 (в печати).

Boudon J. O. La campagne d'Égypte. Paris : Belin, 2018.

Laurens H. L'expédition d'Égypte 1798–1801. Paris : Editions du Seuil, 1997.

Laurens H. Kléber et Bonaparte // Laurens H. Orientales I. Autour de l'expédition d'Égypte. Paris : CNRS éditions, 2004. P. 105–120.

² Генерал Анри-Гальен Бертран, сопровождавший Наполеона на остров Святой Елены в качестве гофмаршала, ранее был участником Египетского похода.

References

- Boudon, J. O. (2018). *La campagne d'Égypte*. Paris: Belin. (In French)
- Gainot, B. (2006). К истории военной оппозиции наполеонистскому режиму [On the History of Military Opposition to the Bonapartist Regime]. In *Французский эзегодник 2006: Наполеон и его время. К 100-летию А. З. Манфреда (1906–1976)* [*Французский эзегодник 2006: Napoleon and His Time. For the 100th Birthday of A. Z. Manfred (1906–1976)*] (pp. 181–198). Moscow: Komkniga. (In Russian)
- Laurens, H. (1997). *L'expédition d'Égypte 1798–1801*. Paris: Editions du Seuil. (In French)
- Laurens, H. (2004). Kléber et Bonaparte. In H. Laurens, *Orientales I. Autour de l'expédition d'Égypte* (pp. 105–120). Paris: CNRS éditions. (In French)
- Tchoudinov, A. (2014). Srazhenie pri Geliopolise, ili Zabytaya pobeda [The Battle of Heliopolis, or Forgotten Victory]. In *Французский эзегодник 2014* [*Французский эзегодник 2014*] (Vol. 2: *Франция и Восток* [France and the East]) (pp. 122–165). Moscow: IVI RAN. (In Russian)
- Tchoudinov, A. (2015). Vtoroe Kairskoe vosstanie: 20 marta – 21 aprelya 1800 g. [The Second Cairo Uprising: March, 20 – April, 21 1800]. In *Французский эзегодник 2015: К 225-летию Французской революции* [*Французский эзегодник 2015: 225th Anniversary of the French Revolution*] (pp. 262–342). Moscow: IVI RAN. (In Russian)
- Tchoudinov, A. (2017). Padenie francuzskogo El'-Arisha. Dekabr' 1799 g. [The Fall of the French El-Arish. December 1799]. In *Французский эзегодник 2017: Франция и Средиземноморье в Новое и Новейшее время* [*Французский эзегодник 2017: France and the Mediterranean in Modern and Contemporary Times*] (pp. 55–93). Moscow: IVI RAN. (In Russian)
- Tchoudinov, A. (2019, in print). *Zabytaya armiya: Frantsuzy v Egipte posle Bonaparta 1799–1800 gg.* [The Lost Army. The French in Egypt after Bonaparte 1799–1800]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya. (In Russian)

Чудинов Александр Викторович

доктор исторических наук, заместитель
руководителя лаборатории
западноевропейских и средиземноморских
исследований
Государственный академический
университет гуманитарных наук
119049, Москва, Мароновский пер., 26
главный научный сотрудник
Институт всеобщей истории РАН
119334, Москва, Ленинский пр-т, 32а
E-mail: tchoudin@mail.ru

Tchoudinov, Alexander Victorovich

Dr. Hab. (History), Deputy Head
of Laboratory of the Western European
and Mediterranean Studies
State Academic University for the Humanities
26, Maronovski ln., 119049 Moscow, Russia
Chief Researcher
Institute of World History of the Russian
Academy of Sciences
32a, Leninski Ave., 119334 Moscow, Russia
Email: tchoudin@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2522-453X
Scopus ID: 26034936800